

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ
РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Нестор-История
Санкт-Петербург – Москва
2021

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус
С481

Рецензенты:

д-р филол. наук *Т. В. Рождественская*;
канд. ист. наук *А. А. Турилов*

Редакторы:

А. А. Пичхадзе, И. С. Юрьева, Е. А. Мишина,
М. С. Мушинская, Ю. В. Кагарлицкий

С481 Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности : Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована. — М. ; СПб. : Нестор-История, 2021. — 592 с.

ISBN 978-5-4469-2000-6

DOI: https://doi.org/10.31912/slova_konstrukzii_2021

В сборнике публикуются научные исследования по русскому языку, выполненные главным образом в диахронической перспективе. Сборник содержит четыре больших раздела: грамматический, лексикологический, эпиграфический и текстологический. В грамматическом разделе рассматриваются нетривиальные конструкции и формы, функционировавшие в древне- и старорусской письменности. Самый большой раздел сборника составляют статьи о словах. В работах этого раздела лингвистический анализ сочетается с изучением культурных реалий и процессов, характеризующих соответствующие периоды русской истории, и разрабатываются разнообразные методы погружения в культурный контекст. Раздел, посвященный эпиграфике, содержит статьи, в которых предлагаются новые прочтения и трактовки древнерусских граффити. В текстологическом разделе прослежена история ряда церковнославянских памятников.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-4469-2000-6

© Коллектив авторов, тексты, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

I

А. Д. Шмелев

Проспект «Свода правил русской орфографии»
в свете принципа интегральности.....7

II

В. А. Плунгян

Был ли в славянских языках прогрессив?.....19

М. Н. Шевелева

О глаголе **ѣти** и конструкциях **имѹ + инфинитив**
по данным древнерусских памятников.....31

Я. А. Пенькова

К вопросу о грамматикализации глагола **СТАТИ**
в истории русского языка51

Е. А. Мишина

О варьировании презентных форм совершенного
и несовершенного видов в тексте уставного типа
(на примере Студийского устава).....73

А. П. Майоров

Грамматическая идиоматизация падежных форм
мн. ч. существительных в канцелярском узусе
русского языка XVIII века99

Т. В. Пентковская

Инфинитивные конструкции в Коране 1716 г.115

III

Л. В. Куркина

О некоторых глаголах эмоциональной сферы
в «Житии Андрея Юродивого»135

<i>Ж. Ж. Варбот</i>	
К реконструкции некоторых праславянских глаголов со значением ‘пахать, копать’ на базе русских диалектизмов	149
<i>А. Ф. Журавлёв</i>	
<i>Огорошить</i>	153
<i>Е. Л. Березович</i>	
К этимологии русской лексики со значением жизненных сил	169
<i>А. Е. Аникин</i>	
Из заимствованной русской лексики.....	189
<i>Р. Н. Кривко</i>	
Славянский <i>ходатан</i> и германский <i>wegāri</i>	199
<i>М. С. Мушинская</i>	
К вопросу о влиянии патристической экзегезы на первый славянский перевод Псалтыри: на примере <i>въскръснѣти</i>	215
<i>И. С. Юрьева</i>	
Особенности употребления временных союзов со значением ‘когда’ в древнерусских текстах разных жанров	246
<i>А. А. Пичхадзе</i>	
<i>Жаль</i> и родственные слова в оригинальной древнерусской письменности: семантика и дискурс	267
<i>Ю. В. Кагарлицкий</i>	
<i>Постоянство</i> : слово и понятие в истории русского языка и в культурно-языковом обиходе XVII века	282
<i>Е. Э. Бабаева</i>	
Становление понятия <i>подросток</i> в зеркале русского языка.....	307
<i>Helmut Keipert</i>	
<i>Здрáвствуй стéрь</i> und die „Formulae Loquendi“ des Elias Koriĵewitz (1706)	328
<i>А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский</i>	
Вокруг некоторых фамилий в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (Опыт историко-ономастического комментария)	343

<i>И. А. Корнилаева</i>	
Русский с церковнославянским: союз <i>то есть</i>	349
<i>Д. О. Добровольский, Г. И. Кустова</i>	
Русские дистрибутивные конструкции типа <i>кто куда</i> : когнитивные стереотипы и межъязыковые соответствия.....	357

IV

<i>Д. В. Сичинава</i>	
Из истории изучения древнерусской эпиграфики: неизданные рецензия и заметки Л. П. Жуковской.....	378
<i>А. А. Гиппиус, С. М. Михеев</i>	
Олтарь пламѣнь, а църькы ледѣна — чьто же то?	392
<i>П. В. Петрухин</i>	
Письмо Стойнега к матери (К переводу новгородской берестяной грамоты № 384)	403
<i>Н. П. Антропов</i>	
«Гуска сологая» в свете полногласных сочетаний модели * <i>telt</i>	413
<i>Марина А. Бобрик</i>	
Надписи на иконе Параскевы-Пятницы из старого Успенского собора Рязанского кремля	432

V

<i>Йоханнес Райнхарт</i>	
Славянский перевод «Откровения Авраама» и его история в Болгарии и в Древней Руси.....	446
<i>Алессандро Мария Бруни</i>	
Новые источники для текстологического изучения славянской традиции слов Григория Назианзина	460
<i>К. В. Вершинин</i>	
Первая редакция славянского перевода Жития Феодора Эдесского	473
<i>Д. Г. Полонский</i>	
Литературные спутники митрополита Илариона: к вопросу об особенностях распространения младших редакций «Слова о законе и благодати» в сборниках XV–XVI вв.	485

<i>А. А. Алексеев, Е. Л. Алексеева</i>	
Интерполяции Иудейской войны как стилевой индикатор	501
<i>И. И. Макеева</i>	
К вопросу о первоначальном тексте и редактировании Кормчей ранней русской редакции.....	508
<i>Г. С. Баранкова</i>	
О существовании особой редакции Шестоднева Иоанна экзарха Болгарского в Южной и Западной Руси	523
<i>А. М. Пентковский</i>	
«Слово аскетическое» Диадоба Фотикийского в славянской письменности	543

VI

<i>А. Г. Кравецкий, А. А. Плетнева</i>	
«Словесное древо»: церковнославянский язык в творчестве Вячеслава Иванова	580

Е. Э. Бабаева

Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

СТАНОВЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ
ПОДРОСТОК
В ЗЕРКАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА*

Подростковый период жизни человека, в отличие от детства, сравнительно недавно начал притягивать внимание исследователей как самостоятельный объект социальной истории; см., например, монографии: [Thiercé 1999; Owen 2020]. Отдельной областью подобных исследований могла бы стать, как кажется, история развития и перестройки словаря возраста в разных языках, вызванные модификацией в представлениях о стадиях взросления человека. Данная работа посвящена истории «изобретения» понятия ‘подросток’ в русской языковой картине мира — от первых употреблений слова *подросток* до более широкого его проникновения в узус — на фоне других лексем, характеризующих излет детства и начало юношества, в его соотношении с некоторыми экстралингвистическими факторами.

Подростковый возраст занимает особую позицию в классификации возрастных стадий: располагаясь между *детством* и *юностью*, он имеет нестабильные нижние и верхние границы, которые колеблются в зависимости от эпохи и принятой в каждом сообществе социо-возрастной модели. Любопытно в этом отношении, что название данного периода в современных словарях имеет разные толкования. Так, например, в словаре [СУ] *подросток* определяется как ‘мальчик или девочка в возрасте от 12 до 16–17 лет’; в словаре [МАС] — ‘мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте’ (от 12 до 16 лет); в словаре английского языка [MacMillan] *adolescent* — ‘a boy or girl who is changing into a young man or woman. The physical changes that take place at this time are known as puberty. An adolescent between the ages of 13 and 19 is called a teenager’; во французской традиции (в словаре [PR]) подростковый возраст (*adolescence*) может определяться как ‘âge qui succède à l’enfance et précède l’âge adulte (en-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта No 19-012-00291 (Подготовка Активного словаря русского языка).

viron de 12 à 18 ans chez les fillis, 14 à 20 ans chez les garçons), immédiatement après la puberté'. В арабском языке существует термин *мурахак* (*muraahiq*), обозначающий переходный период, который начинается в 7 лет и заканчивается с достижением полового созревания (самый ранний возраст полового созревания для девочек определяется как 9 лет, для мальчиков — 12 лет). Таким образом, важными оказываются следующие компоненты понятия: промежуточное положение, пубертат, не очень четкие возрастные границы.

Подростковый период жизни человека задается, конечно же, биологическими особенностями (ср. обычную ориентацию на пубертат при его определении), однако осмысление этого периода в значительной степени является культурным и интеллектуальным конструктом, необходимость в котором появляется достаточно поздно.

Как уже отмечалось, типологически определение возраста по годам — явление довольно позднее [Гавлова 1967]. Изначально представление о возрасте связывалось со словами, исконое значение которых — 'рост' или 'сила', иначе говоря, возраст воспринимался как определенный уровень размера или мощности. С этой точки зрения представляет большой интерес, как мне кажется, наблюдение французского историка Филиппа Арьеса, обратившего внимание на то, что в романском искусстве до XIII в. ребенок выглядит как маленький взрослый; если он и отличается от него, то исключительно размером — ростом и силой [Арьес 1999: 44–45].

Существует большое количество языковых данных, свидетельствующих о сближении представлений о силе (размере), росте и возрасте. И.-е. основа **aiǵ-* 'жизненная энергия, жизненная сила' отражена в греч. αἰών 'возраст', авест. *āyu-* 'возраст, век' [ЭСИЯ I: 306–308], лат. *grandis*, связанное с глаголом *grandire* ('расти'), указывавшее на зрелый возраст, с древних времен могло применяться к растениям [Ernaut, Meillet 2001: 281] и означало 'растущий', 'мощный', лат. *juvenis* также несет в себе семантику расцвета сил [Ibid.: 331]. Семантический переход 'величина' → 'возраст' представлен во многих языках (ср. например, в сиренинском *añula* 'рост' и 'возраст' [Мудрак 2011: 134]). Русское прилагательное *старый* имеет в своем составе корень **sta-* 'стоять'; согласно О. Н. Трубачеву, вероятным древним значением для этого слова является 'имеющий силу, крепкий, большой'¹. Это

¹ Ср. также др.-инд. *sthirá-* 'крепкий', лит. *stóras* 'толстый', др.-исл. *stórr* 'большой', англосакс. *stōr* 'сильный'. О. Н. Трубачев предполагает, что значение 'старый' является семантической инновацией славянского *starъ* [Трубачев 2006: 178].

значение, как указывает О. Н. Трубачев, встречается в былинах: оно является, в частности, эпитетом Ильи Муромца, совершавшего подвиги во цвете лет [Трубачев 2006: 178–179]. По всей вероятности, именно такой смысл следует приписать прилагательному *старый* в фольклорной цитате, приведенной в СРНГ под толкованием «о пожилом человеке»: *Выезжал же старой казак на чисто поле, наезжал же старой казак на диковинку* [СРНГ 41: 88]. С другой стороны, прилагательное *молодой* этимологически связано с глаголом *молоть*, таким образом, данный возраст осознается в связи с представлением о небольшом размере². К семантике малого размера возводится также, например, др.-греч. *παῖς*³.

Рост человека и достижение им определенного возраста может осознаваться как результат вскармливания: так, к и.-е. корню **al-* ‘родить’, ‘вскармливать’ → ‘растить’ (**al-to-s* ‘вскормленный’, ‘выросший’) восходят, в частности, греч. *νεαλῆς* ‘юношеский’, ‘бодрый’, лат. *alo*, *alere* ‘кормить’, *alēscere* ‘расти’, ‘увеличиваться’, *adolēscere* ‘расти’ (*adultus* ‘взрослый’), *adolescens* ‘подростающий’, ‘молодой’, *indolēs* ‘подростающее поколение’, *subolēs* ‘потомство’, ‘молодежь’, *prōles* ‘потомок’, ‘молодежь’, гот. *alīps* ‘откормленный’, *alpeis* ‘старый’ (см. базу данных Старостина — Николаева: <http://www.proto-indo-european.ru/dic-starostin/iee-a.htm>).

Заметим также, что на ностратическом уровне прослеживается семантическая связь между смыслами ‘расти, вырасти’ → ‘быть’ [Иллич-Свитыч 2003: 184–185]; ср. также, например, пару *быль* ‘травинка’ — *быть*. Собственно основа *люд-*, согласно одной из этимологий, семантически возникает из идеи роста (ср. гот. *liudan* ‘расти’, лат. *liberi* ‘растущие’ → ‘дети’, с.-х. *лѹдина* ‘крупный человек’) подобно тому, как праслав. **rodъ* и **narodъ* соотносится с и.-е. корнем **urdh-* ‘расти’ [ЭССЯ 15: 197–199]⁴. Интересно, что данная основа может также осмысляться в связи с возрастом: коми *людской* ‘взрослый’ [СРНГ 17: 244].

Легко заметить, что внутренняя форма слов *возраст*, *взрослый*, *подросток*, *зрелый*, *преклонный* также отсылает к идее роста, прорас-

² И в данном случае речь идет, как полагает О. Н. Трубачев, о славянской инновации, поскольку в других языках представлен технический термин, обозначающий ‘молотый, растертый’ [Трубачев 2006: 186]. Ср. также *малец*, *мальчик*, *кроха*.

³ О развитии этого понятия в истории греческого языка см. в: [Golden 1985].

⁴ Ср. этимологию праслав. *čelověkъ* как соединение и.-е. **kel-* ‘возрастать’, ‘подниматься’ и **uoik-* ‘жизненная сила’ [Топоров 2006: 259].

тания, созревания и увядания; ср. еще др.-рус. *(по)спѣти* ‘приближаться к нужному для какой-л. деятельности возрасту’: *А Овдокимко деи въ нашу службу поспѣлъ, а Бориско деи да Гльбко да Офонаско въ нашу службу спѣють* (1556) [СРЯ XI–XVII 18: 25]; *Он поспел в солдаты* [Даль III: 340]; диал. (урал.) *спелый, поспелый: Он стар, уж спелый, поспелый* [СРНГ 13: 201], *Уж года-то спелые* [СРНГ 40: 130]; диал. (пск., твер.) *поспелка* ‘девушка на выданьи’ [СРНГ 13: 201].

Существительное *возраст*, как и ст.-слав. *възрасть*, к которому, возможно, оно восходит [Аникин 8: 101–102], изначально указывало именно на рост и (шире) на внешний вид животного и человека, и только затем начало связываться с количеством прожитых лет; ср. *быть в возрасте <во всей поре>* ‘находиться в расцвете сил’ [Кабакова 1995: 405], а также *Вырослый, в полный возраст пришедшии* (Немецко-латинский и русский лексикон Э. Вейсмана, 1731) [СРЯ XVIII 5: 21]. Значение, указывавшее на физический размер, сохранялось вплоть до XVIII в.; ср. также *возрастный* в значении ‘высокого роста’: *черемисы есть народ мужественный и возрастный* [СРЯ XVIII 4: 27]. Слово *взрослый*, известное с XVIII века, тоже изначально указывало на рост, на то, что человек является рослым: *Мальчик сей был тогда уже лет пятнадцати, довольно взрослый и собою отменно хорош* [СРЯ XVIII 3: 139]. Это значение сохраняется в лексикографии в качестве мотивирующего на протяжении следующего XIX века; ср. формулировку первого значения прилагательного в Словаре русского языка, составленном имп. Академии наук, который вышел в 1895 г. под редакцией Я. Грота, где первым приводится значение «достигший полного роста», а затем уже «вышедший из отроческого возраста» [СРЯ 1895: 408]. С другой стороны, слово *рост* в XIII–XIV в. стало указывать на *возраст: детский рост* [СДРЯ XI–XIV X: 456]. Такие употребления фиксируются и для более позднего времени; ср. у Николая Спафария (1678 г.): *Человек [...] ростом будет лет в тридцать* [СРЯ XI–XVII 22: 219]. Стадии в жизни человека могли также обозначаться словом *верста*: *Той же версту юнашескую идыи* (Житие Иосифа Волоцкого, XVI в.), это слово также указывало на людей одного возраста, т. е. проживающих одну стадию жизни: *Прииде некто отрочище скопец сый [...] беаше Епифану верста* (Житие Андрея Юродивого, XVI ≈ XI) [СРЯ XI–XVII 2: 93]; *Верста емлетя иногда вместо возраста, яко рещи, коея версты, не моя версты* [Поликарпов 1704: 43об.].

В конце XVI в. в текстах появляются слова *недоросток* и *недоросль*, а в XVII в. фиксируется прилагательное *недорослый*. Они характеризуют животное или человека, который не достиг полного,

то есть считающегося обычно нормальным (средним) роста. Однако существительное *недоросль* и прилагательное *недорослый* достаточно быстро начинают использоваться для указания на невключенность в процесс социализации и применяться к молодому человеку, который, принадлежа к служилому сословию, не достиг возраста, позволяющего поступить на службу. *Недорослями* могли называться во возрасту не служившие боярские дети, затем юные дворяне, еще не поступившие на государственную службу.

Вместе с тем, появившийся в 1762 году манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», как известно, освободил дворян от обязательной гражданской или военной службы. У дворян осталась единственная сословная обязанность — получение достойного образования⁵. Слово *недоросль*, таким образом, продолжая характеризовать дворянина, причем не обязательно юного, постепенно приобрело способность указывать на его небольшую образованность или же вообще на ее отсутствие⁶. Нельзя не заметить, что на историю восприятия и употребления этого слова сильно повлияла популярность знаменитой пьесы Д. И. Фонвизина. *Недорослю* приписывались некоторые типичные черты поведения и времяпрепровождения. Так, хорошо известно, что Гринев *жил недорослем, гоняя голубей и играя в чахарду с дворовыми мальчишками* (А. С. Пушкин. Капитанская дочка). В НКРЯ находятся и другие подобные примеры. Так, например, в письме к П. А. Вяземскому от 25 января 1825 А. С. Пушкин, находившийся в ссылке, пишет: *Жду к себе на днях брата и Дельвига — покаместь я один одинешенек; живу недорослем, валяюсь на лежанке, и слушаю старья сказки да песни; ср. еще: Недоростки любят кататься как сыр в масле [СРЯ XVIII 14: 170]*, а также характеристику *недорослей*, которые после манифеста Петра III *безбоязненно катались в невежестве как сыр в масле* (А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на кавказских водах в 1824 году).

Таким образом, слово *недоросль* в XIX веке могло употребляться, во-первых, как историзм (при отсылке к периоду в истории обще-

⁵ В параграфе 7 манифеста содержится указание, «чтоб никто не дерзал без обучения пристойных благородному дворянству наук детей своих воспитывать» [Манифест 1762].

⁶ М. А. Дмитриев в книге «Мелочи из запаса моей памяти», первое издание которой вышло в 1854 году, считал необходимым прокомментировать слово *недоросль*: *Он, в молодых летах, женился, будучи еще недорослем (так называли дворян, не бывших еще на службе)* [Дмитриев 1869: 124]. Можно предположить, что автор опасался того, что данное существительное будет не понято или понято неправильно.

ства, когда дворяне обязаны были служить), а во-вторых, как характеристика, обычно неодобрительная, для малообразованного человека (причем не обязательно дворянина) любого возраста. Постепенно стали возникать контексты, в которых *недорослями* называются люди, мало сведущие в какой-л. конкретной области или же не имеющие достаточно опыта в какой-л. сфере; ср.: *Мне странно, Иван Иванович, вы, кажется, человек известный ученостью, а говорите как недоросль* (Н. В. Гоголь. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем); *Один белобрысый деревенский недоросль вздумал смеяться надо мною* (Н. И. Греч. Черная женщина); *нравственный недоросль* (А. П. Чехов, Драма на охоте), *недоросли либерализма* (А. И. Герцен. Былое и думы), *революционный недоросль* (А. И. Герцен. Былое и думы)⁷. Негативная оценка, заложенная в данном слове, могла усиливаться; ср.: *Пожив в Петербурге, Райский сам решил, что в нем живут взрослые люди, а во всей остальной России — недоросли* (И. А. Гончаров. Обрыв); *В городе П. образовалась довольно опасная секта, носившая странное название «оглашенных недорослей». Устроив наскоро обсервационный пункт, я открыл, что кодекс этой секты состоял из нижеследующих двух пунктов: 1) считать себя от наук независимыми и убеждений не иметь и 2) стремиться и достигать* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Для детей). Однако заложенная изначально объективность характеристики, отражавшей некое положение дел (невозможность в силу возраста заниматься определенной деятельностью) позволяла употреблять слово и вполне нейтрально; ср.: *Я недоросль, я не мудрец / И мне важнее знать немного* (А. В. Кольцов).

Юридическое представление о *совершенном* возрасте или о *совершеннолетии* формировалось также постепенно. Очевидно, что существовали разные представления о соотношении возраста (*совершеннолетия*) и дееспособности; например, совершеннолетие, допускающее вступление в брак, не совпадало с возрастом, дававшим право на распоряжение имуществом⁸. В «Наказе» Екатерины II, относящемся к 1760-м годам, говорилось, что *недоросль до указанных возраста лет есть член семьи домашней, а не член общества* и предлагалось учредить опеку, чтобы он *по незрелому своему рассудку не разорился* [Наказ 1767: 98]. Именно это положение нашло отражение в академическом

⁷ Понятие *недоросль*, видимо, было очень важным для А. И. Герцена. В НКРЯ представлено 8 вхождений этого слова, выявленных в текстах А. И. Герцена, что выделяет его среди других авторов-современников.

⁸ См. краткую историю института дееспособности в российском законодательстве в: [Мельникова 2018].

словаре. Согласно первому изданию САР, *совершенный возраст* позволяет человеку в соответствии с законом распоряжаться своим имуществом [САР V 1794: 76]. Во втором издании САР сообщается, что в терминологическом употреблении *совершеннолетним* называется такой человек, который в силу возраста освобождается от присмотра опекунов [САР VI 1822: 314]. В. И. Даль сетовал на малоупотребительность слова *недоросль*, отмечая, что оно оказалось заменено «тяжелым» словом *несовершеннолетний* [Даль III: 514].

Можно предположить, таким образом, что физиологическое осмысление процесса взросления к XVII в. отступает в пользу социального, и *воспитание* начинает отделяться от *вскармливания* и соединяется с представлением о получении образования.

Однако проблематику формирования специального интереса к *подростковому возрасту* следует отделять от возникших достаточно рано классификаций периодов жизни человека, которые носили теоретический характер и могли опираться на различные соображения. Так, например, Цензорин, ссылаясь на Варрона, сообщал, что «до 15-го года — *puerī* “дети”, называемые так, поскольку они чисты (*purī*), то есть безбороды; на второй — до 30 лет — *adolescentes* “подростки”, прозванные так оттого, что они растут; на третьей ступени пребывают до 45 лет, именуясь “юношами” (*iuvenes*), ибо могут государству помогать (*iuvare*) в военном деле. На четвертой вплоть до 60-го года — величаемые “старейшинами” (*seniores*), потому что тогда тело впервые начинает стариться» [Цымбурский 1986]. В известном сочинении «Ономастикон» Юлий Поллукс размещает за периодом *περὶ παιδίων* период, называющийся *περὶ μετρώσιον* [Pollux 1824: 75]; согласно словарям, *μετρώξι* — имя для девочки от 14 лет, а *μετρώσιον* — для юноши в возрасте от 14 до 21 года. В Средние века, как и в античности, существовало общее представление о циклах жизни человека. В целом периодизация жизни человека, являвшаяся скорее областью философских размышлений, выглядела довольно устойчивой и представлялась как череда этапов, что отражено в текстах и изображениях того времени [Арьес 1999: 33–36]. Например, в трактате XIII в. «Большое собрание всякого рода вещей», восходящем к ионийской философской школе VI века, выделялись стадии возраста человека, в том числе и отрочество (*adolescētia*), которое начинается в 14 лет и длится, согласно разным авторам, до 21, 28, 30 или даже 35 лет. На протяжении этого периода, как объясняется в трактате, человек достигает размера и силы, данной ему от природы [Там же: 32]. А. Я. Гуревич, обращаясь к средневековым классификациям возрастов, отмечал,

что упор в них «делался не на процесс перехода от одного возраста к другому, а на характеристику каждого из них, рассматриваемого изолированно» [Гуревич 2005: 198]. А. Я. Гуревич приводит различные схемы возрастных схем человеческой жизни, которые основываются на числовой символикe и обычно носят схоластический характер [Там же: 197–200]. Подобные классификации находятся и в древнерусской традиции. Так, в одном из рукописных Азбуковников XVII века перечислены следующие возрасты человека: «1) младенец (до семи лет, «егда бывает зубом испадение»), 2) отрок (до 14 лет), 3) «детище» (до 21 года), 4) юноша (до 28 лет), 5) муж (до 35 лет), 6) «средовеч» (до 49 лет), 7) «старец» (до 56 лет)» (цит. по: [Громов 2009: 11]), ср. также: *отроча до 14 лет, оттоле детище* [СРЯ XI–XVII IV: 238].

Вместе с тем, проблематика переходного (подросткового) возраста могла осознаваться не только в статическом, но и в динамическом плане, иначе говоря, в соотношении с принятой в данном обществе социализацией еще не взрослого или почти взрослого человека. В Древней Греции, например, представления о возрасте обсуждались в связи с педагогическими теориями (так, в связи с концепцией воспитания к возрастным периодам обращался, например, Аристотель в «Политике»). Цензорин в XIV главе «Книги о дне рождения» сообщает, что у греков период с 14 до 17 лет имел особое значение, что выражалось в смене номинаций: 14 лет — παῖς, 15 — μελλέφηβος, 16 — ἔφηβος, 17 — ἕξ ἐφήβων [Шымбурский 1986]. В возрасте ἐφήβια юноша начинал двухгодичный курс военной подготовки, после которого подвергался докимасии (δοκιμασία) (о принципах деления возрастов в Спарте в связи с образованием и об *эфебии* в Афинах см. в: [Marry 1998: 42; 151–158]). В Древнем Риме в императорскую эпоху юноши проходили специальный обряд между 14 и 17 годами, после чего переходили в категорию *puberes*. Достигнув возраста перехода, юноши меняли детскую одежду (*toga praetexta*) на взрослую (*toga virilis*) [Коптев 1997]. Шестнадцатилетние юноши составляли так называемые *classis*, т. е. первоначальное войско [Коптев 1997а: 50].

Следует отметить, что известны также некоторые отдельные наблюдения, касавшиеся особенностей поведения подростков. Так, А. Я. Гуревич приводит фрагмент из проповеди Юлиана из Везеле, в которой говорится об отрочестве как о периоде «чувствительном» и «недисциплинированном», когда человек не слушает ни разума ни советов [Гуревич 2005: 199]. Однако в Средние века светское и церковное право не выделяло *подростковый период* как отдельную

стадию жизни человека. В эту эпоху важен был лишь возраст вступления в права наследства, а также возраст поступления в услужение или обучение (ср. существование в Европе института подмастерьев, а также повсеместной практики обучения в чужих семьях, так сказать, «в людях»)⁹, который мог не совпадать в разных странах и меняться от века к веку. В повседневности понятие *возраст* означало, скорее всего, не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус; при этом следует отметить, что категория *возраст* была гораздо важнее для мальчиков, чем для девочек. Ф. Арьес определял период Средневековья как цивилизацию взрослых, поскольку ребенок достаточно быстро оказывался выброшен в мир взрослых, чему особенно способствовал детский труд. Предтечей осознания детства в Европе, как полагает исследователь, послужило новое упорядочивание и оформление периода школьного обучения: в школе ребенок становился объектом специального дисциплинирования, что отдаляло его от мира взрослых; детство же тех, кто не учился или учился недолго, по-прежнему оставалось очень коротким [Арьес 1999: 331–334].

Возвращение «чувствительности» к детству, по всей видимости, связано с формированием нуклеарной семьи в городской среде. Оно началось в XV в. и достигло расцвета в XVIII в. — одновременно с выделением буржуазной (городской) среды; см. подробнее в: [Желис 2016: 348], а также в: [Арьес 1999: 405–407; Le Breton 2013]. Этот процесс сопровождался переносом общественного внимания на внутреннее устройство семейных отношений.

Если в XVII в. в центре внимания социума в Европе находился юношеский возраст, то в XIX в. предметом более пристального рассмотрения стало детство¹⁰. Подростковость, «критический» этап взросления с просыпающейся, в частности, сексуальностью, не мог оставаться, конечно же, незамеченным; известно, что этому периоду посвящен четвертый том «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо. Изучение феноменов *юности* и *детства* неизбежно приводило к необходимости описать границу между этими стадиями.

⁹ Хорошо известно, что слова, обозначающие подросткового мальчика или юношу, могли развивать значение ‘слуга’ (ср., например, *παῖς, puer, boy, garçon, valet, отрок, ребенок*).

¹⁰ Обзор работ, посвященных изучению детства в отечественной истории, а также новейшую библиографию можно найти в работе [Ромашова 2013].

Настоящее осмысление этой границы следует относить к рубежу XIX и XX веков, хотя социально-исторические предпосылки для активного конструирования понятия 'подросток' начали возникать несколько раньше. Французский историк и социолог Аньес Тьерсе предположила, что изменение возрастной структуры социума, связанное со становлением данного понятия, произошло в период между 1850 и 1914 гг. [Thiercé 1999]. Именно в этот период во Франции в центре общественного внимания оказываются такие черты *подростка*, как сексуализированное поведение, «особая» дружба между мальчиками, истеричность, бунт против школьных порядков. Во второй половине XIX в. судьи отмечали пугающий рост подростковой преступности, что отразилось в появлении в 1902 году термина *apache (anau)* применительно к юным преступникам, действовавшим преимущественно в Париже. Замечу также, что именно в этот период *подросток* врывается и в мировую литературу.

В 1904 году в Соединенных Штатах была опубликована книга Гренвиля Стэнли Холла, в которой впервые анализировалась психология подростка [Hall 1904]. В 1909 году во Франции вышло исследование психолога Пьера Мандуса «Душа подростка» [Mendousse 1909]. Вместе с тем, антрополог Маргарет Мид, изучавшая в 1920-е гг. представления о социализации детей на острове Самоа, предположила, что существуют культуры, в которых подростковый период в жизни человека не выделяется, а взросление подразумевает отличную от американской стадийность [Mead 1928; Мид 1988]. Хорошо известно, что к древнейшим формам структурирования общества наряду с ранжированием, основанным на родственных связях, относят ранжирование, опирающееся на выделении возрастных (поколенческих) групп (см. подробнее в: [Калиновская 2018]): именно этот принцип лежал в основе той культуры, которую наблюдала на Самоа Маргарет Мид¹¹.

Обратимся теперь к данным русского словаря взросления.

¹¹ Ближе всего к проблематике выделения подросткового периода находится хорошо известная традиция обрядов инициации, которые символизируют переход человека на новую возрастную ступень внутри определенного сообщества, его отделение от мира детства, помещение в некое «промежуточное» пространство и затем включение в мир взрослых. Этот переход может сопровождаться, в частности, сменой номинации; так, например, на Сокотре девочка, не достигшая возраста обрезания, называется словом 'awgēno (димиутив от 'женщина'), а та, что достигла половой зрелости — словом *fir'him* (образование от корня со значением 'резать') [Порхомовский 2018: 329].

Общеславянское **otrokъ* признается сравнительно поздним славянским образованием, имевшим семантику 'тот, кому отказано в праве говорить' [Трубачев 2006: 47]. О. Н. Трубачев предполагает переход *nomen actionis* (**otrokъ* 'отказ, неразрешение и неговорение') → *nomen agentis* [Там же]. В старославянских текстах, а также в древнерусских памятниках слово *отрокъ* имело широкую семантику и могло относиться как к младенцам, так и к мальчикам разного возраста и неженатым юношам [ССЯ II: 584; СРЯ XI–XVII 14: 19]); ср. классификацию номинаций у В. И. Даля: «Отрок м. отроковица ж. отрочица ж. арх. дитя от 7 до 15 лет, а пора эта: отрочество, отроческий возраст; подросток. До семи лет зов. младенцем, а иногда только до трех, а далее, до семи, дитятей» [Даль II: 751].

В старославянской письменности ограниченно встречаются термины *отрочъство*, *отрочъствие* [ССЯ II: 585] в соответствии с лат. *pueritia* (возраст примерно до 16–17 лет). В древнерусский период лат. *pueritia* соотносится с существительным *отрочатство*; в Успенском сборнике встретилось также слово *отрочие* [СРЯ XI–XVII 14: 21]¹². Слово *отрочество*, соотносящееся со словосочетанием *отроческий возраст*, согласно данным лексикографии, впервые фиксируется в 1723 году в предисловии к «Первому учению отроком» [СРЯ XVIII 18: 90]. В русско-французском словаре Антиоха Кантемира, создававшимся в 1730–1740-х гг., оно соотносится с французским существительным *enfance* ('детство') [Кантемир I: 802]. В 1790 году А. М. Брянцев писал: *От младенчества зависит детство, сие преемлется отрочеством, после сего наступает юношество и мужество* (Слово о связи вещей во вселенной... говоренное... июня 30 дня 1790 года). Следует отметить, что, по данным НКРЯ, на протяжении XVIII и XIX вв. слово *отрочество* оставалось не очень употребительным, хотя на 1850-е гг. приходится некоторый рост использования этого существительного; следует отметить в связи с этим, что повесть Л. Н. Толстого «Отрочество» была напечатана в «Современнике» в 1854 году.

Понятие *переходный возраст*, по всей видимости, начинает формироваться во второй половине XIX века¹³. Первое употребление, согласно НКРЯ, относится к концу 40-х годов: *Г-жа Т. Ч. чрезвычайно любитъ героинь, только что вышедшихъ изъ дѣтства [...], видно,*

¹² При этом слово *отрок* употреблялось очень широко: по отношению и к мальчику и к юноше [СРЯ XI–XVII 14: 19]

¹³ Согласно НКРЯ, первые употребления словосочетания *подростковый возраст* относятся к 1940-м гг. Оно появляется в трудах отечественных психологов — С. Л. Рубинштейна и Л. С. Выготского.

что авторь «Тернистаго Пути» имьль много случаевъ наблюдать надъ этимъ переходнымъ возрастомъ, въ которомъ ребячество такъ умно, а начало страстей полно только чарующаго дѣтства (А. В. Дружинин. Письма иногороднего подписчика о русской журналистике). С 1850 по 1900 годы в НКРЯ находится только 9 вхождений этого словосочетания, причем оно соотносится с *отрочеством* или с *ранней юностью* и характеризуется как период крайне неприятный и мучительный; ср., например: *Я читал где-то, что дети от двенадцати до четырнадцати лет, то есть находящиеся в переходном возрасте отрочества, бывают особенно склонны к поджигательству и даже убийству* (Л. Н. Толстой. Отрочество). Рост употребительности понятия *переходный возраст* начинается, судя по данным НКРЯ, после 1920-го года.

Немногие ранние употребления слов *подрось* и *подросток* в текстах относятся к XVII веку. В некоторых диалектах слово *подросток*, реализуя представление о связи роста и возраста, является синонимом для *ровесник*: *костром. моего подростку* ('моего возраста'), *Нас очень много девушек было, моего подростку, в моих годах* (1975); *Ульчин. Хабар. Мои подростки носили такие платья* (1956) [СРНГ 28: 162]. Сопряжение идеи роста и возраста, а также, в связи с этим, определение ровесников через одинаковый рост представлено также в игровом примере М. Е. Салтыкова-Щедрина: Угрюм-Бурчеев в мечтах представлял себе город с площадью посередине, от которой в разные стороны отходили улицы: *В каждом доме живут по двое престарелых, по двое взрослых, по двое подростков и по двое малолетков [...] Одинаковость лет сопрягается с одинаковостью роста. В некоторых ротах живут исключительно великорослые, в других — исключительно малорослые* (История одного города).

Употребления же, появившиеся в XVII в., сводятся к двум типам контекстов делового языка. В первом случае речь идет о сборе ясака, и в них слова *подрось* и *подросток* сближаются со словом *захребетник*, т. е. передают представление о несамостоятельном, зависимом человеке вне связи с возрастом. В документе 1641 г. говорится о необходимости брать ясак с *подростков* и *захребетников*; ср. также: *а велеть в ясак захребетников и подростлей писать, которые б были в пятидесят и в сорок и в тридцать и в двадцать лет, а мениши осмнадцати лет в ясак подростлей и захребетников не писать* (1664 г.) [СРЯ XI–XVII 16: 49]. В другом документе конца XVII в. содержится приказ искать в ясачных волостях *недорослей* и *подрослей*, которые *ясаку и поминков не платят*, но ходят на лесные промыслы [СРЯ XVIII 21: 36]. Близкими являются, видимо, употребления, описанные В. И. Далем, ко-

торый поясняет, что в забайкальском казачьем войске существовали *подростки* — *малолетки, казаки, почему либо еще не поступившие на службу, иногда уже старики, как в орнб. крае были солдатские малолетки 70-ти лет и старше, до смерти* [Даль III: 199]. В данном случае отсутствие социальной значимости объединяет людей молодых и старых; ср. многозначность, основанную на невозможности выполнения определенного действия (летать), возникающую у слова *подлеток*: с одной стороны, оно относится к подростку (пск., твер., брян., курск., свердл., том. говоры), с другой стороны, к пожилому человеку (нижегор., смол., брян., ряз., ворон.) [СРНГ 28: 63–64]; эти же два значения представлены и у В. И. Даля: «*Подлетный человек или подлеток ниж. пожилой, старше середоваго, около 50*»; «пск. твер. кур. подросток, близкий к полному возрасту» [Даль III: 185]¹⁴.

Во втором типе контекстов XVII в. слово *подросток* использовалось для обозначения работников младшего возраста: *работным людем по 6 денег, а подростком по 4 и по 3 и по 2 денги* (1671 г.) [СРЯ XI–XVII 16: 49].

В первых двух изданиях Словаря Академии Российской существительное *подросток* включалось в ряд *недорослый, недоросток, недоросль* и обозначало человека, который *приближается, достигает совершенного роста: У него дети уже подростки. В деревне много подростков* [САР V 1794: 82]. Однако в 1847 году в Словаре церковнославянского и русского языка слово *подросток* осмысливается уже не в связи с ростом, а в связи с возрастом: *приближающийся к надлежащему возрасту* [Словарь 1847 III: 273]; таким образом, слово *подросток* начинает осмысливаться не как синоним для *недоростка*, а, скорее, в оппозиции к слову *взрослый (достигший надлежащего возраста)* [Словарь 1847 I: 123]. Представляет интерес следующий контекст из произведения 1846 г. Нестора Кукольника, в котором проступает двойственность восприятия слова *подросток*: *Неужели у тебя такой большой сын? — Ростом, да не летами. Подросток, недоросль; всего-то ему двадцать третий годок пошел* (Леночка, или новый, 1746 год).

Слово *подросток*, согласно НКРЯ, начинает устойчиво появляться в текстах, начиная с 30-х годов XIX в. Яркий пример находится у О. И. Сенковского. В повести 1833 г. «*Вся женская жизнь в нескольких часах*» описывается иерархия по возрасту сообщества девочек в пансионе: *Степеней обыкновенно бывает три: крошки, подростки и де-*

¹⁴ Заметим, что В. Даль выделяет также и значение ‘ровесник’: «*Подлеток, чей, близкий кому годами, но помоложе*» [Даль III: 185].

вицы. К первой принадлежат девушки моложе двенадцати лет: те не смеют ни о чем знать, ни говорить и чувства свои могут только изливать перед куклами. Во второй разряд поступают на тринадцатом году жизни: здесь устав общества позволяет уже рассуждать, тихонько и понемножку, о любви и мужчинах, даже избирать себе почетных любовников. В других немногих примерах, относящихся к 1830-м годам, авторами которых являлись писатели поколения О. И. Сенковского (В. И. Даль, О. М. Сомов), подросток осмысляется также в сравнении не с взрослыми, а с малолетками.

Постепенно количество употреблений слова *подросток* немного возрастает; в 1840–1850-е гг. оно используется И. Т. Кокоревым. Можно сказать, что своеобразным «мотором» внедрения слова *подросток* в лексикон возраста послужили именно бытоописательные тексты этого очеркиста. И. Т. Кокорев выделяет группу *подростков* в связи с социологическими наблюдениями: это дети, достигшие возраста, который позволяет им работать на фабрике или в другом месте: *На Бабьем городке, в Тверской-Ямской, в Свиблове, в предместьях и в глухих переулках, затеваются кулачные бои [...] так, просто для одной потехи, соберутся десятка два уличных мальчишек да подростков фабричных* (Сборное воскресенье); *О фабриках и заводах я тоже не говорю, на них рабочие приходят еще подростками* (Ярославцы в Москве); *Не диво, что при таком сочувствии к чаю в Ярославской губернии найдется множество семейств, в которых от подростка до старика с бороною — все трактирщики* (Ярославцы в Москве). Подобный взгляд представлен также у Ф. М. Решетникова, автора этнографических очерков о горнозаводских рабочих: *Кабак не только для взрослых, но и для подростков стал лучше дома* (Где лучше?); *Прежде, бывало, подросток играет с девками на улице в мячик, а теперь сидит в кабаке и сосет трубку или папироску* (Где лучше?). Один из контекстов, встречающихся в очерке «Горнорабочие», дает возможность предположить, что слово *подросток* могло использоваться как элемент узуса горнорабочих: *в отсутствие Токменцова сына его Павла, шестнадцати лет, называвшегося по-заводски подростком, взяли хворого на рудник и там за какую-то вину наказали розгами так, что он на четвертый день умер*. В этом узусе *подростки* также противопоставлялись малолеткам, которые хоть и могли работать, но только под присмотром отцов, не в качестве самостоятельного фабричного рабочего: *Наши сыновья с осьмилетнего до пятнадцатилетнего возраста назывались малолетками и если не учились в школах, то работали дома или с отцами на казну и получали провианта по полтора пуда в месяц; с пятнадцатилетнего до*

осьмнадцатилетнего возраста они назывались уже подростками и употреблялись на легкие работы на заводах, за что и получали по два пуда провианта в месяц (Горнозаводские люди); Семь тысяч людей обоего пола, из которых до двух тысяч мужчин, подростков и малолетков составляют чисто горнорабочий класс (Горнорабочие).

Гораздо реже можно найти контексты, которые относились бы к девочкам, находящимся в услужении; ср.: *В девичьей остается одна денщица, обыкновенно из подростков, которая убирает посуду, метет комнату и принимается вязать чулок, чутко прислушиваясь, не раздадутся ли в барыниной спальне шаги Анны Павловны Затрапезной* ([М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина).

Параллельно словом *подросток* активно пользовались авторы, которые описывали быт русской семьи: М. Е. Салтыков-Щедрин (44 вхождения) и П. И. Мельников-Печерский (38 вхождений). В этом случае подростками называются старшие дети в семье: *Тут миршенские подростки и выростки засвистали громким посвистом, созывали товарищей выручать своих маленьких* (П. И. Мельников-Печерский. На горах). Можно предположить, что интерес к семейному микромиру, к внутреннему устройству семейной жизни также способствовал кристаллизации данного понятия.

Таким образом, можно сказать, что ко второй половине XIX в. слово *подросток* осмыслялось, главным образом, в двух возрастных перспективах: во-первых, это *старшие* дети в семье в оппозиции к *младшим* и, во-вторых, это *младшие* работники в оппозиции к *взрослым*.

Интересно, что лексикограф Н. П. Макаров, видимо, не очень хорошо владел этим словом. Так, в русско-французском словаре (первое издание в 1867 г.) *подросток* переводится как *adulte* ('взрослый') или *grandelet* (уменьш. от *grand* 'большой') [Макаров 2004: 716], а франц. слово *adolescent* указано наравне с *le jeune homme* (молодой человек) и синонимичным словосочетанию *le jeune homme* при русском *юноша* [Макаров 2004: 1195]. В Полном французско-русском словаре (первое издание в 1870 г.) франц. *adolescent* переводится как *юноша* [Макаров 1900: 23], *grandelet* как *великоватый, великонец, подросток*, а *jeune homme* как *юноша, отрок* [Макаров 1900: 623].

Взрыв употреблений слова *подросток* произошел после 70-х годов. Следует отметить, что большая часть таких употреблений приходится на сочинения Федора Федоровича Эрисмана (Фридрих Гульдрейх), врача-гигиениста, поселившегося в Петербурге в 1869 году. Эрисман много писал о физиологии и состоянии здоровья работавших на фаб-

риках подростков. На его труд «Профессиональная гигиена» (1871–1908), согласно НКРЯ, приходится 65 вхождений слова *подросток*. В этой работе *подростками* называются рабочие от 14 до 18 лет¹⁵.

Говоря о растущей популярности слова *подросток*, нельзя не упомянуть, конечно, роман Ф. М. Достоевского «Подросток», вышедший в 1875 году. Однако Достоевский использовал это слово и раньше, например, в «Идиоте». Аркадию Долгорукому 19 лет, как и Алеше Карамазову, тоже названному *подростком*: *Алеша был в то время статный, краснощекий, со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток* (Братья Карамазовы). В черновых материалах к роману «Подросток» Аркадий говорит: *Все считают меня подростком* [Достоевский 1990: 218], и возражает: *Какой я подросток! Разве растут в девятнадцать лет?* [Там же: 209] Как видно из этого примера, внутренняя связь возраста с ростом для героя очевидна.

Обосновывая для себя право называть героя *подростком*, Ф. М. Достоевский пишет: *В самом деле, растут ли после 19 лет?* И, как бы споря со своим героем, продолжает: *Если не физически, так нравственно* [Там же: 77]. Характерно и следующее замечание Достоевского: *То, что его так запросто выписали, выслав ему деньги из Москвы тетки, объясняется его 19-ю годами: и церемониться нечего, и разговаривать не стоит* [Там же: 59]. Можно с осторожностью предположить, что Ф. М. Достоевский знал работы Ф. Ф. Эрисмана, который был женат на Н. П. Суловой, сестре Аполлинаруи Суловой. Однако важнее то, что Достоевский переосмыслил понятие *подросток*: из области социологии он перенес его в область психологии, предопределив тем самым дальнейшую судьбу слова. Для Достоевского *подросток* — это, прежде всего, особое психологическое состояние юноши, на что указывает материал из НКРЯ. Основной эпитет, который используется применительно к *подростку*, — прилагательное *жалкий*: *Как могли вы так добровольно унизиться перед выскочкой, перед жалким подростком; Да, я — жалкий подросток и сам не знаю поминутно, что зло, что добро; И пусть не смеются над жалким подростком за то, что он суется с своими нравоучениями в брачное дело, в котором ни строчки не понимает; Если это — шутка с ее стороны, то я прощаю.*

¹⁵ В законе 1882 г., по которому воспрещался труд детей до 12 лет и ограничивалась дневная работа подростков (12–15 лет) восьмичасовым рабочим днём, запрещалась ночная работа, работа в воскресные и праздничные дни, в качестве официального используется термин *малолетний* (или *малолетка*): «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [Полное собрание законов: 265–266].

Шутка с жалким подростком — пусть! Достоевский использует также характеристики *смешнейший, испуганный*: *Я сейчас вообразил, что если б у меня был хоть один читатель, то наверно бы расхохотался надо мной, как над смешнейшим подростком, который, сохранив свою глупую невинность, суется рассуждать и решать, в чем не смыслил; О, простите: я вижу мучительное выражение на вашем лице; простите испуганному подростку его неуклюжие слова!*

Житейская неопытность *подростка* может также подчеркиваться словом *зеленый*¹⁶: *Короче, со мной он обращался как с самым зеленым подростком, чего я почти не мог перенести, хотя и знал, что так будет.* Первым, кто обыграл данную метафору, был А. С. Пушкин, писавший в письме А. А. Бестужеву (30.11 1825): *Руслан молокосос; Пленник зелен.* Однако, согласно данным НКРЯ, перенос 'незрелый' [о плодах] → 'неопытный' [о человеке] для прилагательного *зеленый* фиксируется не ранее 80-х годов XIX в., когда появляются словосочетания типа *зеленый мальчик, зеленый юноша, зеленая девчонка*; ср.: *Юное воображение [...] привело его в последние дни к тому трагикомическому переходному состоянию влюбленности, что знакомо только совсем зеленым мальчикам* (А. В. Амфитеатров. *Отравленная совесть*); *Дюма-отца я видел только раз в жизни в Париже, когда был еще зеленым юношей* (В. В. Верещагин. *Листки из записной книжки*); *Умный мужчина всегда понимает, что женщина в летах не в пример лучше зеленой девчонки* (Н. Э. Гейнце. *Князь Тавриды*)¹⁷. Наконец, в «Записках из Мертвого Дома» и в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевский использует также слово *желторотый*, которое, судя по

¹⁶ Интересно, что в русском языке произошло метафорическое осмысление цвета не растительности (травы или листвы), а плодов, поэтому зеленое ассоциируется с незрелостью, неготовностью к использованию, т. е. включает не положительную, как, например, во французском или английском, а отрицательную оценку.

¹⁷ Следует заметить, впрочем, что до этого, примерно с 30-х гг. XIX в. имела ограниченное хождение слабо отрицательная характеристика *молодо-зелено* ср., например: *Барин при всех своих пороках был для Деметрия сокровищем ненаглядным. «Молодо-зелено, — говорил старик про себя, с гордою улыбкою смотря на его проказы* (Н. М. Погодин. *Невеста на ярмарке*); *Все-таки надо взять в расчет, что еще молодозелено; мало ли какая блажь может войти в голову* (И. И. Панаев. *Прекрасный человек*); *Молодо, зелено, еще не сложился; хоть и порядочного роста, да прям и тонок, словно тростинка* (Е. П. Гребенка. *Чайковский*). Любопытно, что в произведении Е. П. Гребенки, относящемся к 1843 г., представление о возрасте также возникает в контексте описания роста человека.

НКРЯ, до него не употреблялось применительно к человеку. Можно сказать, что Ф. М. Достоевский разрабатывает ряд номинаций, позволяющих характеризовать особый физиологический и, главное, психологический тип: *подросток, зеленый, желторотый*.

В заключение можно сказать, что «изобретение» подростка в России происходило примерно в те же годы, что и в Европе, во второй половине XIX в. Что касается русской языковой картины мира, то ему предшествовала, прежде всего, оценка физического параметра ребенка — его роста, который в определенном возрасте начинает приближаться к среднему росту взрослого. С этой точки зрения *подростки* физически выделяются среди других детей, *перерастая* их, но еще *не дорастая* до взрослых. Однако решающим фактором, способствовавшим формированию данного понятия, следует, видимо, считать социальный. В определенный момент в зону общественного обсуждения попадают дети, которые вынуждены работать с достаточно раннего возраста; работая, как взрослые, они при этом не считаются взрослыми. С этой точки зрения *фабричные подростки* отделяются как от детей, которые еще не работают в силу возраста, так и от детей, которые не работают в силу иной социальной принадлежности. Постепенно в общественном пространстве формируется дискуссия относительно медицинских и правовых аспектов *подросткового* труда. И наконец, *подростковый возраст* начинает ассоциироваться с определенным психологическим типом, ярче всего описанным и объясненным Ф. М. Достоевским. И именно этот аспект начинает доминировать в XX в.

Литература

- Аникин 1–14 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Выпуск 1–14 (продолжающееся издание). М., 2007–2020.
- Аръес 1999 — Ф. Аръес. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / Пер. с франц. Я. Ю. Страцева при участии В. А. Бабинцева. Екатеринбург, 1999.
- Гавлова 1967 — Е. Гавлова. Славянские термины 'возраст' и 'век' на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология. Материалы Международного симпозиума «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии» 24–31 января 1967 г. / Под ред. Ж. Ж. Варбот, Л. А. Гиндина., Г. А. Климова, В. А. Меркуловой, В. Н. Топорова, О. Н. Трубочева. М., 1967. С. 36–40.

- Громов 2009 — *М. Н. Громов*. Время и его восприятие в Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009, N 2 (июнь). С. 7–17.
- Гуревич 2005 — *А. Я. Гуревич*. Индивид и социум на средневековом Западе. М., 2005.
- Даль I–IV — *В. И. Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- Дмитриев 1869 — *М. А. Дмитриев*. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869.
- Достоевский 1990 — *Ф. М. Достоевский*. Полное собрание сочинений в 30 томах. Том 16. Подросток. Рукописные ред. / Текст подгот. А. В. Архипова, Г. Я. Галаган, И. Д. Якубович. Л., 1990.
- Желис 2016 — *Ж. Желис*. Ребенок как индивидуум // История частной жизни. Т. 3. От Ренессанса до эпохи Просвещения / Под ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М., 2016. С. 341–358.
- Иллич-Свитыч 2003 — *В. М. Иллич-Свитыч*. Опыт сравнения ностратических языков. Введение. Сравнительный словарь. Ъ–Џ / Ред., вступ. статья В. А. Дыбо. М., 2003.
- Кабакова 1995 — *Г. И. Кабакова*. Возраст // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Ред. Н. И. Толстой. Том 1 (А — Г). М., 1995. С. 405–407.
- Калиновская 2018 — *К. П. Калиновская*. Возрастные классы как историческая форма общественной организации: Этносы Восточной Африки. М., 2018.
- Кантемир I–II — *Антиох Кантемир*. Русско-Французский словарь / Вступительная статья и публикация Е. Бабаевой. Т. I–II. М., 2004.
- Коптев 1997 — *А. В. Коптев*. Система возрастных классов архаического Рима и реформа Сервия Туллия. Электронное издание: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261542296>
- Коптев 1997а — *А. В. Коптев*. Архаический Рим: от царей к консулам // Вестник РГНФ. № 3. 1997. С. 50–58. Электронное издание: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1265051084>
- Манифест 1762 — Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» 18.02.1762. Электронное издание: <http://doc.histrf.ru/18/manifest-o-darovanii-volnosti-i-svobody-vsemu-rossiyskomu-dvoryanstvu/>
- Макаров 1900 — *Н. П. Макаров*. Полный французско-русский словарь. Изд. 10-е. СПб., 1900.
- Макаров 2004 — *Н. П. Макаров*. Полный русско-французский словарь. М., 2004.
- Марру 1998 — *А.-И. Марру*. История воспитания в античности (Греция) / Пер. с франц. А. И. Любжина. М., 1998.

- МАС — Словарь русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. I–IV. М., 1981–1984.
- Мельникова 2018 — *Н. Т. Мельникова*. Становление и развитие гражданско-правового института дееспособности в российском законодательстве в период XVII — начала XVIII в. (Историко-правовой аспект) // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. С.150–156.
- Мид 1988 — *М. Мид*. Культура и мир детства. М., 1988.
- Мудрак 2011 — *О. А. Мудрак*. Эскимосский этимологикон. М., 2011.
- Наказ 1767 — [*Екатерина II*]. Наказ... Комиссии о сочинении проекта нового Уложения, с принадлежащими к тому приложениями. М., 1767.
- Поликарпов 1704 — *Федор Поликарпов*. Лексикон трехязычный, сиречь речений словенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.
- Полное собрание законов — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. 2. СПб., 1885. № 931. С. 265–267.
- Порхомовский 2018 — *В. Я. Порхомовский*. Система родства // В. Я. Порхомовский. Очерки по исторической и антропологической лингвистике. Т. II. М., 2018. С. 325–348.
- Ромашова 2013 — *М. В. Ромашова*. Дети и феномен детства в отечественной истории: новейшие исследования, дискуссионные площадки, события // Вестник Пермского университета. Вып. 2 (22), 2013. С. 108–116.
- САР I–VI, 1789–1794 — Словарь Академии Российской. Т. I–VI. СПб., 1789–1794.
- САР I–VI, 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Т. I–VI. СПб., 1806–1822.
- СДРЯ XI–XIV I–XII — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I–XII (продолжающееся издание). М., 1989–2019.
- СРНГ 1–51 — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–51 (продолжающееся издание). Л.; СПб., 1965–2019.
- СРЯ 1891–1895 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук / [Ред. акад. Я. К. Грот]. [Изд. 5-е]. Т. 1, вып. 1–3. СПб, 1891–1895.
- СРЯ XI–XVII 1–30 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31 (продолжающееся издание). М., 1975–2019.
- СРЯ XVIII 1–22 — Словарь русского языка XVIII века. Выпуск 1–22 (продолжающееся издание). Л./СПб., 1984–2019.
- ССЯ I–IV — Словарь старославянского языка. Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1958–1997. Vol. I–IV [Репринтное воспроизведение издания СПб., 2006].
- СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М., 1994.

- Топоров 2006 — *В. Н. Топоров*. О понятии места, его внутренних связях, его контексте (значение, смысл, этимология) // *В. Н. Топоров. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. Книга 2.* М., 2006. С. 246–341.
- Трубачев 2006 — *О. Н. Трубачев*. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. Изд. 2-е. М., 2006.
- Цымбурский 1986 — *Censorinus. De die natali liber.* Цензорин. Книга о дне рождения. Перевод с латинского и комментарий В. Л. Цымбурского / *Вестник древней истории*, № 2–3, 1986. Электронное издание: <https://web.archive.org/web/20081024045018/http://hbar.phys.msu.ru/gorm/ahist/censorin.htm#22>
- ЭСИЯ I–V — *В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман*. Этимологический словарь иранских языков (продолжающееся издание). Том I–V. М., 2000–2015.
- ЭССЯ 1–41 — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева (с 31 выпуска под ред. А. Ф. Журавлева). Вып. 1–41 (продолжающееся издание). М., 1974–2018. Электронное издание: <http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=essja>
- Ernaut, Meillet 2001 — *A. Ernaut, A. Meillet*. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. 4e éd. augmentée par Jaque André. Paris, 2001.
- Golden 1985 — *M. Golden*. Pais, «child» and «slave» // *L'antiquité classique*. Т. 54, 1985. P. 91–101.
- Hall 1904 — *G. S. Hall*. Adolescence. Its Psychology and Its Relations to Physiology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, Religion and Education. I–II. New York, 1904.
- Le Breton 2013 — *D. Le Breton*. Une brève histoire de l'adolescence. Paris, 2013.
- MacMillan — *MacMillan Dictionary*. Электронное издание: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british>
- Mead 1928 — *M. Mead*. Coming of Age in Samoa. A Study of Adolescence and Sex in Primitive Societies. New York, 1928.
- Mendousse 1909 — *P. Mendousse*. L'ame de l'adolescent. Paris, 1909.
- Owen 2020 — *G. Owen*. A Queer History of Adolescence: Developmental Pasts, Relational Futures. Athens, 2020.
- Pollux 1824 — *Iulii Pollucis*. Onomasticon cum annotationibus interpretum curavit Guilielmus Dindorfius. Vol. 1 (I–V). Lipsiae, 1824.
- PR — *P. Robert*. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris, 2019.
- Thiercé 1999 — *A. Thiercé*. Histoire de l'adolescence, 1850–1914. Paris, 1999.

Научное издание

**СЛОВА, КОНСТРУКЦИИ И ТЕКСТЫ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**

Сборник статей к 70-летию академика
А. М. Молдована

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура: «Newton». Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 37
Тираж ??? экз. Заказ №